

Едва Хан Сиэнь замолчал, как ему под ноги со свистом полетел императорский доклад — владыка швырнул его в порыве ярости.

— Вон из дворца! — взревел разъярённый государь. — То, что ты натворил, тянет на плаху! Моли небо, что я не упёк тебя в темницу и не снёс тебе голову. А ты стоишь тут, точно герой? Награды ждёшь, мерзавец?

Сиэнь коротко взглянул на императора и со вздохом, в котором сквозило деланное бессилие, произнёс:

— Ваше Величество, ни о каких наградах ваш покорный слуга и не помышлял. Однако вы и сами изволите знать: за душой у меня ни гроша. Да и в герцогском поместье сейчас все как пороховая бочка — бог весть, захотят ли они раскошелиться. Пятьдесят тысяч таэлей — сумма пустяковая для мирных дней, но в нынешних... щекотливых обстоятельствах сослаться на пустые сундуки будет делом вполне естественным.

Услышав это, император невольно усмехнулся. Он мгновенно раскусил, на что намекает юноша под «мирными днями» и «щекотливыми обстоятельствами».

В конце концов, во время поездки в Цзяннань Сиэнь не пощадил родного дядю: не просто притащил Хана Пиня в столицу под конвоем, но и собрал неопровержимые улики его вины. И пусть тот украл меньше остальных казнокрадов, преступление оставалось преступлением. К тому же Хан Пин оказался по уши втянут в грязную историю вокруг золотого рудника в деревне Фулу. Тут уж поместью герцога Хань никак не выгородить родича.

Поместью герцога Хань теперь придётся из кожи вон лезть, чтобы доказать непричастность к грехам Пиня. А значит, выставлять напоказ богатства они не посмеют, уверяя всех вокруг, будто казна поместья пуста.

Да и отношения Сиэня с роднёй, мягко говоря, не ладились. А ведь поверженный Хан Пин был любимчиком старой госпожи Хань. Матриарх рода наверняка сейчас исходила лютой злобой на внука и уж точно не горела желанием отдавать за него свои кровные.

Указ повелевал возместить ущерб Фан Цзо, но выплатить сумму должен был сам Сиэнь, а вовсе не поместью герцога Хань. Родне стоило лишь напустить на себя сокрушённый вид, заявить, что они собирают крохи по сусекам, и бесконечно тянуть время. Как бы ни гневался император, он не станет пускать знатный дом с молотка. Вся ярость государя пала бы на самого виновника.

Пусть такая задержка слегка и задела бы величие владыки, зато поместью герцога Хань сохранило бы лицо, доказав свою мнимую бедность, а следовательно — и честность. Оказавшись без гроша, Сиэнь фактически обрёк бы себя на плаху за неисполнение монаршей воли.

Император мысленно связал ниточки воедино. Он слишком хорошо знал, на какую подлость способны люди ради своей выгоды. Посмотреть, как строптивый юноша бьётся в тисках семейных интриг, было бы забавно, но терпеть явное пренебрежение собственным указом правитель не собирался.

Разумеется, вслух он этого не произнёс. Одарив Сиэня пронзительным, недовольным взглядом, государь сухо бросил:

— Ты — наследник герцога, плоть от плоти своего рода. Твои тревоги напрасны. Ступай.

Выслушав напутствие, Хан Сиэнь с облегчением откланялся. Покинув императорский кабинет, он глубоко вздохнул. Слов владыки было более чем достаточно. Не зря он так тонко напомнил ему о проделках Хана Пиня.

Едва двери за Сиэнем закрылись, государь сбросил маску гнева и велел евнухам призвать Гао Фэна. Пока заместитель командующего императорской гвардией добирался до дворца, император неторопливо вытащил из потайного ящика стола стопку бумаг и принялся небрежно их перелистывать.

То были тайные донесения, которые Гао Фэн и лекарь Чжоу ежедневно отправляли из Цзяннаня.

В этих бумагах во всех подробностях расписывался каждый шаг, каждое слово и жест Сиэня. Там не было дословных диалогов со всеми встречными, зато скрупулёзно отмечалось, что юноша соизволил откусать и сколько раз за день отлучался в уборную.

И заместитель командующего императорской гвардией, и лекарь исправно снабжали престол сведениями, даже не подозревая, что следят за объектом в четыре глаза.

В их отчётах не было личного отношения — лишь сухие, бесстрастные факты, сходящиеся до мельчайших деталей. Это доказывало, что соглядатаи не пытались выгородить юношу.

Судя по донесениям, Сиэнь порой действовал излишне дерзко, упрямо и даже самонадеянно, однако в речах его сквозило глубокое почтение к трону. Главное, что двигало им — жажда выслужиться, совершить как можно больше подвигов, дабы снискать высочайшую милость. Для государя это было лучшим подтверждением верности.

Именно благодаря этим отчётам император сквозь пальцы смотрел на безумства, творимые Сиэнем на юге. Иначе разве усидел бы владыка в столице, пока этот сорвиголова переворачивал весь Цзяннань вверх дном?

Вспомнив о своре казнокрадов, которых Сиэнь вытащил на свет божий, император брезгливо хмыкнул. Он кивнул евнуху Юань Бао на стопку бумаг и велел:

— Сжечь. И отправь людей разузнать, что там за дела у великой принцессы с генералом Фан Тянем. Ищи глубже.

Чужие семейные тайны мало заботили владыку, но одно дело — не совать нос в чужие дела, и совсем другое — когда от тебя что-то намеренно скрывают.

Юань Бао почтительно поклонился. С его лица мгновенно исчезла привычная угодливая улыбка.

Раз уж у государя зародилось подозрение, его ищейкам не составило труда докопаться до истины. И кое-какие странности действительно всплыли: личность скромного книжника, ютившегося при дворе великой принцессы, оказалась фальшивкой. Похоже, кто-то намеренно подослал его к ней.

Впрочем, дело было давнее, и ниточки оборвались, едва сыщики успели за них ухватиться. Но и этого хватило, чтобы былая благодарность монарха к сестре испарилась без следа. При мысли о том, как великая принцесса годами прикрывалась его именем, выгораживая бесчинства Фан Цзо, императора так и подмывало выругаться от омерзения. Позже он найдёт благовидный предлог, лишит её высокого титула, а самого мерзавца Фан Цзо упечёт за решётку.

Но всё это случится гораздо позже.

А пока ослеплённая горем великая принцесса грезилась лишь мстостью за покалеченного сына. Поняв, что от брата-императора сочувствия не дожидаться, она бросилась в ноги к вдовствующей императрице, вымаливая её заступничество.

Хан Сиэнь имел обыкновение оставлять после себя во дворце крошечные трещины, которые интриганы быстро превращали в зияющие пропасти, утягивающие на дно его врагов. Сам же виновник, едва ступив за ворота, начисто забывал о содеянном.

На углу уличного перекрёстка Сиэня ждал Бай Шу. Увидев юношу невредимым, тот просиял, и тревога, терзавшая его сердце, наконец отступила.

Сиэнь на мгновение замедлил шаг. Он по-прежнему хотел держаться от этого человека подальше, но уйти просто так не позволял долг чести.

За время своего пребывания в Великой Чжоу Сиэнь повидал немало людей, но их судьбы его ни капли не волновали. Потокал прихотям государя он лишь ради собственного покоя, а жизни невинных спасал лишь потому, что прилежно отыгрывал роль императорского уполномоченного.

Единственным, кому он остался должен, был этот нескладный воин. Начиная от монет при первой встрече и заканчивая спасением в Цзяннане — долг платежом красен.

Сиэнь подошёл ближе. Три месяца домашнего ареста — отличная возможность вернуть долги. Ему вовсе не улыбалось тащить это бремя через Мост Беспомощности, слишком уж утомительно.

— Чего бы тебе хотелось? — прямо спросил Сиэнь. — Я могу сделать тебе подарок.

Бай Шу опешил, а затем смущённо почесал затылок и улыбнулся:

— Да мне ничего особо и не нужно... Но если ты действительно хочешь отблагодарить меня, позволь написать твой портрет.

Против фанатичной преданности Бай Шу прекрасному Сиэнь был бессилён. Ему оставалось лишь мысленно вздохнуть.

Бай Шу принадлежал к той редкой породе людей, у которых на уме то же, что и на языке. За всё время знакомства Сиэнь так и не уловил у него иных пристрастий, иначе давно бы расплатился за услуги чем-то осязаемым.

Что ж, портрет так портрет. Одной заботой меньше.

— Хорошо, — кивнул Сиэнь. — Государь запер меня дома на три месяца. Как выберешь время — приходи.

Бай Шу просиял ещё ярче:

— Я подготовлю всё как следует!

Сиэнь лишь равнодушно повел плечом.

Поместье генерала Бая располагалось ближе, чем герцогская усадьба. У ворот их уже поджидал хмурый Бай Вэньхань. Завидев Сиэня, старший брат одарил его неприкрытым, предостерегающим взглядом.

Сиэнь из вежливости ответил сухим приветствием и поспешил откланяться, оставив генерала кривить губы в фальшивой улыбке.

В поместье герцога Хань уже знали, что наследник прямиком из дворца направляется домой. Слуги заранее выстроились у ворот, а управляющий не поскупился раскидать горсть медных монет зевакам — ради праздничного вида.

Со стороны могло показаться, будто в поместье герцога Хань души не чают в молодом господине. Сиэню же полагалось сразу после возвращения отправиться развлекать — вернее, засвидетельствовать почтение старой госпоже.

Коли родня решила разыграть комедию, он с удовольствием подыграет.

Почти всё благородное семейство собралось в покоях старой госпожи Хань — матушка в очередной раз занемогла. В комнате яблоку негде было упасть, но стоило Сиэню переступить порог, как лица присутствующих сделались ещё мрачнее.

Спустя столько времени никто, за исключением, пожалуй, Хань Минчжу, не испытывал радости от возвращения блудного наследника. Глаза старой госпожи, Госпожи Вэнь из третьей ветви рода, молодого господина Хань Юэцина и барышни Хань Цинюань вонзились в вошедшего, точно острые спицы.

Госпожа Вэнь из-за ареста мужа, Хана Пиня, последние недели безвылазно сидела у себя, забросив даже визиты к свекрови. Но весть о прибытии Сиэня заставила её превозмочь недуг — она жаждала призвать паршивца к ответу.

Однако госпожа Вэнь не успела и рта раскрыть, как Сиэнь обратился прямиком к отцу, Хану Чжо, и с предельной прямоотой выложил историю о том, как лишил Фан Цзо восьми пальцев.

Герцог, разумеется, уже знал об этом бесчинстве. Весть о глупой выходке сына вскипятила его кровь: он был уверен, что Сиэнь намеренно навлекает на их дом гнев могущественных врагов. И теперь, слушая сухой отчёт юноши, Хан Чжо едва сдерживал ярость.

Но Сиэнь, не дав отцу опомниться, поспешил добавить:

— Государь вынес своё решение.

— Пятьдесят тысяч таэлей?! — взвизгнул второй дядя, Хан Шу. Натолкнувшись на холодный, безразличный взгляд племянника, он тут же осёкся и торопливо добавил: — Впрочем, откупиться серебром — великая милость Его Величества. Великая принцесса ведь женщина грозная, с ней шутки плохи.

В поместье полагали, что Сиэнь на этот раз угодит за решётку Министерства юстиции и лишится головы. Но император отделался столь ничтожной вирой. Похоже, слухи о безграничном доверии государя к наследнику Хань были чистой правдой.

— Серебро — дело наживное, — подавив вздох, ровно произнёс Хан Чжо. — Даже если в общей казне не найдётся всей суммы, подтянем пояса и соберём.

Старая госпожа Хань натужно раскашлялась и сокрушённо покачала головой:

— Легко сказать «соберём». Из общих фондов в одночасье такие деньги не вынешь. Назначил ли государь точный срок выплаты?

— Не беспокойтесь, бабушка, — отозвался Сиэнь. — Я предвидел эту заминку и честно доложил обо всём Его Величеству. Владыка проявил снисхождение и позволил не торопиться, ежели у поместья герцога Хань туго с монетой.

Само собой, император выразился совсем иначе, но Сиэню ничто не мешало слегка приукрасить истину.

Лица присутствующих мгновенно вытянулись. Старая госпожа побагровела и зашлась в таком бешеном приступе кашля, что едва не задохнулась.

Не знай император о делах в поместье, они могли бы тянуть время месяцами, изводя Сиэня. Но теперь, когда государь держал дело на контроле, любая заминка выглядела бы как саботаж высочайшей воли.

Хан Чжо не сомневался, что сын говорит правду. Раз этот негодник посмел заявить подобное здесь, значит, он действительно сболтнул лишнего перед троном. Герцог лишь недоумевал: как Сиэнь умудрился так легко разгадать их замысел?

— Нелепость! — не выдержал Хан Чжо, сжав кулаки. — Тревожить покой государя из-за такой ерунды! Ты хоть понимаешь, под какой удар себя подставил?

Сиэнь лишь развёл руками с самым невинным видом:

— Император повелел мне выплатить долг. Денег у меня нет, а нарушать волю неба — грех тяжкий. Вот я и посетовал на судьбу. Кто же знал, что Его Величество окажется столь великодушным и позволит нам повременить?

Хан Чжо мрачно усмехнулся. Поверить в наивность сына мог только круглый дурак. Тот разыграл эту карту намеренно и расчётливо.

Кое-как уняв кашель, старая госпожа Хань процедила:

— Я лишь хотела сказать... раз казна поместья пуста, не стоит и беспокоиться. У меня припасено немало личных сбережений. Обойдёмся без общих денег, я сама выплачу эту сумму.

Слова дались ей с лёгкостью, но Сиэнь прекрасно понимал: каждый слог резал старуху по живому. Убедившись, что кошелёк найден, юноша впервые за долгое время одарил бабушку мягкой улыбкой.

Матриарх, не в силах выносить это издевательство, сослалась на внезапную слабость и выставила всех вон. Сиэнь развернулся и зашагал к выходу с такой поспешностью, что у старой госпожи от досады вновь закололо в груди.

Госпожа Вэнь рассудила, что сейчас не время для расспросов. В конце концов, паршивец никуда не денется, а впереди у них много дней.

Зато её ненаглядный сын Хань Юэцин сдержаться не сумел. Он преградил Сиэню дорогу и с ядовитой усмешкой спросил:

— Хотелось бы узнать, чем мой отец так не угодил великому наследнику в Цзяннане, что вы изволили упечь его под стражу?

Сиэнь медленно приподнял бровь. Он смерил кузена долгим, ленивым взглядом с головы до ног, а затем наградил его таким красноречивым взором, словно перед ним стоял законченный идиот.

<http://bllate.org/book/20088/2002025>